

ТАГАНРОГСКИЙ ВѢСТНИКЪ

№ 186-й.

ЕЖЕДНЕВНАЯ

№ 186-й

Телефонъ редакціи № 85.

Телефонъ типографіи № 85.

политическая и общественно-литературная газета.

Годъ XXIII

Суббота, 17 іюля 1904 года.

Годъ XXIII

Въ волжахъ житейской пошлости.

Останки А. П. Чехова были доставлены въ Москву въ вагонѣ съ надписью:

— Для перевозки свѣжихъ устрицъ.

На похоронахъ какой-то юноша, по собственному почину взявшій на себя роль распорядителя, кричалъ рабочимъ, указывая на вѣнки:

— Ежели не свѣжій, вали его, ребята, въ кучу! Вали его безо всякихъ!

На могилѣ кто-то истерическимъ голосомъ пропищалъ какое-то пошленькое стихотвореньице, и затѣмъ пошли говорить всевозможные ораторы.

Говорили, по словамъ московскихъ газетъ, даже тѣ:

— Кому-бы слѣдовало совсѣмъ молчать.

Этотъ, такъ сказать, сверхпрограмный номеръ былъ уже прямымъ нарушеніемъ воли покойнаго писателя, который усердно просилъ при жизни, чтобы на его могилѣ не произносилось никакихъ рѣчей.

Петербургъ, такъ горько оплакивающій утрату незабвеннаго Антона Павловича, прислалъ къ приходу поѣзда съ его останками... двухъ репортеровъ.

И несчастная вдова А. П. Чехова, пораженная такимъ обиднымъ неуваженіемъ къ памяти покойнаго, умоляла со слезами на глазахъ желѣзнодорожное начальство:

— Въ Москву! Ради Бога, скорѣе въ Москву!

Вильна проспала поѣздъ съ останками А. П. Чехова.

Таганрогъ, родной городъ покойнаго,—вѣрнѣе: таганрогское городское самоуправленіе, получившее извѣщеніе о смерти А. П. Чехова 3-го іюля, «не успѣло» послать на его похороны 9-го іюля въ Москвѣ особую депутацію, а потому... просило редактора «Русскихъ Вѣдомостей» Соболевскаго:

— Быть на похоронахъ Чехова представителемъ города Таганрога.

Почему редактора «Русских Вѣдомостей», а не директора «шведско-датской компаніи телефоновъ въ Москвѣ», — это уже секретъ таганрогскаго городского управленія, который, вѣроятно, будетъ сдавъ въ городской архивъ вмѣстѣ съ «дѣломъ»:

— Объ израсходованіи пятидесяти рублей на покупку вѣнка для жителя города Таганрога Антона Чехова, и оправдательные къ тому документы.

Наконецъ, два извѣстныхъ журналиста у свѣжей еще могилы А. П. Чехова поспѣшили просто-напросто оклеветать покойнаго:

— Бѣдненькій былъ. Все время нуждался въ деньгахъ. Состоялъ на откупѣ у Маркса. Писалъ все на Маркса.

И несчастная вдова А. П., убитая горемъ, должна была еще разъ, со слезами на глазахъ, умолять редактора одной провинціальной газеты:

— Да напишите же, ради Бога, что это неправда, что это явная клевета! Антонъ Павловичъ вовсе не нуждался въ деньгахъ! Онъ былъ вполне обеспеченъ!

* * *

Не правда-ли, какой обильный и разнообразный ассортиментъ житейской пошлости шествовалъ за гробомъ покойнаго, провожалъ его по пятамъ къ мѣсту вѣчнаго упокоенія.

Писатель, который всю свою литературную дѣятельность посвятилъ изображенію этой житейской пошлости, захлебывался въ ея мутныхъ волнахъ, грезилъ, какъ о Царствѣ Божьемъ на землѣ, о томъ, что когданибудь эта пошлость сгинетъ, уступить мѣсто жизни, полной духовныхъ интересовъ и «изящной»...

И вдругъ... эта пошлость свободно, съ приподнятымъ забраломъ, побѣдоносно шествуетъ, лишь только онъ смежилъ свои очи.

Воля ваша, а это положительно нѣчто провиденціальное, какое-то указаніе свыше:

— Даже смерть не избавить тебя отъ людской пошлости. Она стара, какъ міръ, и будетъ существовать до тѣхъ поръ, пока существуетъ міръ.

* * *

Я съ жадностью прочитываю въ газетахъ всѣ мельчайшія подробности, касающіяся памяти покойнаго и дорогого для меня писателя.

И одна мысль неотступно преслѣдуетъ меня въ эти тяжелые и горестные дни:

— Что сказалъ бы онъ, если бы Небо позволило ему встать изъ гроба и видѣть все то, что происходило за его гробомъ?

Какою грустною улыбкой озарилось бы его вдумчивое, вдохновенное лицо!

И не подумалъ ли бы онъ еще разъ:

— Я, вѣдь, писалъ только правду!

Донъ-Базиліо.